

АННА ВСЕВОЛОДОВА

РУССКИЙ МИНИСТР ВО ГЛАВЕ РОССИИ

*Восхождение и казнь Артемия Волинского
(к 330-летию со дня рождения)*

Образ министра Артемия Петровича Волинского неоднократно привлекал внимание историков и романистов, за без малого три века о личности и деятельности его было высказано множество самых противоречивых суждений, именно это обстоятельство следует особо подчеркнуть – “противоречивыми” можно назвать свидетельства, касающиеся имени министра, а не черт его личности. Противоречие это объясняется тем, что в связи с опалой множеству сплетен и ложных обвинений в адрес подсудимого в целях его дискредитации был предан официальный, весомый вид. Впоследствии, в зависимости от политических нюансов и представлений современного им общества, писатели использовали материалы доносов как не подлежащие сомнению факты. Последнее замечание касается не только лиц, по тем или иным причинам сознательно очерняющим образ министра, но и симпатизирующим Волинскому, однако невольно разделяющим общепринятое заблуждение.

Аккредитованные дипломаты, находившиеся в Петербурге весной 1740 года, доносили своим дворам самые нелепые толки о политических планах министра, в обществе носились истории, рисующие его жестоким, корыстным человеком, а вскоре чиновник Тайной канцелярии с помоста эшафота, приготовленного для казни А. П. Волинского и его друзей, громогласно зачитывал длинный перечень “злодейских вин и намерений” осуждённых. С течением лет обстоятельства жизни героя аннинского царствования трактовались с большей или меньшей бесцеремонностью.

Нужно было обладать гением великого русского писателя и историка Лажечникова И. И., чтобы уметь отличить главное от поверхностного, ложь от правды. Не мало документального исторического материала доносят нам произведения других романистов: Полежаева, Писемского, Авенариуса и иных, но именно Лажечников передал душевный масштаб и благородство своего героя. Причём художнику удалось достичь исторической правдивости во многом интуитивно, не имея возможности познакомиться с рядом доступных теперь сведений. То, что Лажечников предвидел и угадал в герое популярнейшего некогда романа “Ледяной дом”, ныне должно знать всякому русскому человеку, неравнодушному к отечественной истории, и уже не как гениальную фантазию романиста, но как бесспорную историческую истину. В своём месте мы вернёмся к имени Лажечникова и его роману. А теперь постараемся с помощью

историков прежних лет – Готье, Зазюлинского, блестящего востоковеда советского периода Бушуева, а также новых – Петрухинцева, Лаврентьева – дать верную картину событий и лиц интересующей нас эпохи.

Артемий Петрович Волынской родился в 1689 году в дворянской семье. По некоторым историческим источникам, это событие произошло в Москве 2 ноября по новому стилю. Род Волынских берёт начало от славного князя Боброк-Волынского, героя Куликовской битвы, и родной сестры князя Дмитрия Донского, Анны. Князь командовал засадным полком, своевременный натиск которого решил исход сражения в пользу русских. В числе предков Артемия Петровича имеется и прославленный святой – игумен Троицкого Клопского монастыря Михаил, канонизированный в 1547 году. По традиции своего времени в 15-летнем возрасте Артемий Петрович вступил в военную службу простым солдатом. Он принимал участие в Северной войне России со Швецией, участвовал во многих сражениях, в том числе и в Полтавской битве. Его мужество было отмечено командирами и самим Петром Великим. В 1712 году Артемий Петрович отправляется с посольской миссией в Турцию. Государственный деятель и дипломат П. Шафиров просит о награждении “нарочитого молодца” Волынского, который “терпит с нами общий страх” – заточение в турецкую темницу, куда были брошены все участники русского посольства. Турецкая сторона, угрожая физической расправой, пыталась оказать давление на русских дипломатов, вынудить их к уступкам, невыгодным Российской империи. Столкнувшись с мужеством патриотов, дипломаты Османской Порты должны были отступить. Уверившись в высоких способностях Волынского, царь Пётр поручил ему возглавить посольство в Персию. Благодаря таланту и настойчивости Артемия Петровича, ему удалось основать первую русскую консульскую службу в Персии, заключить выгодные для российской торговли соглашения, начать переговоры о строительстве православных храмов в мусульманских государствах. Деятельность русского посольства проходила в очень непростых условиях. Несколько раз Артемию Петровичу грозила участь другого русского дипломата – Грибоедова, растерзанного толпой фанатиков в Персии. На русского посланника оказывалось жесточайшее давление, посредством самых разнообразных мер, от предложения крупных взяток до блокады посольства, приведшей к голоду и болезням среди его сотрудников, от лести и лжи до угроз физической расправы и отмены прежде согласованных решений. Артемий Петрович проявил удивительные присутствие духа, принципиальность и государственный ум, позволившие ему ни в чём не уронить чести государя и интересов русской дипломатии. За эти и иные заслуги Волынскому было поручено губернаторство в Астрахани, а затем – в Казани. В обеих губерниях Артемий Петрович неустанно трудился, заботясь о благополучии жителей и всего края: искоренял нищету, безграмотность, грубость нравов, учреждал школы, прокладывал дороги, закрывал притоны и кабаки, боролся с разбоем и административными не порядками. В 1725 году губернатор пишет сочинения назидательного характера: “Об управлении деревень”, “О десяти Божьих заповедях” и другие. Во всю жизнь Артемий Петрович неукоснительно жертвовал часть своих доходов на дела милосердия: устраивал школы, больницы, украшал церкви, содержал больных, увечных, сирот, вдов и престарелых, разыскивал и оплачивал обучение талантливых самородков из народной среды. Между тем, сам он постоянно нуждался в деньгах и входил в долги, не получая вовремя жалования. Меры, принятые деятельным чиновником, в короткий срок значительно изменили ход дел в губернии, изменили жизнь людей, её населяющих. Артемий Петрович был пожалован в генерал-адъютанты. Быстрое возвышение талантливого политика вызвало зависть и озлобление некоторых людей из окружения государя*. Они оклеветали Артемия Петровича и много вредили

---

* Вопреки расхожему мнению, попавшему даже в энциклопедии, царь Пётр Великий подвергнул Артемия Петровича наказанию отнюдь не за взятки, в которых тот никогда не был повинен. Неприятная сцена между астраханским губернатором Волынским и царём произошла вследствие наущничанья Апраксина и Толстого, стремящихся переложить всю вину за неудачи Персидского похода на Артемия Петровича. Переписка с царём 1723 года, наполненная подробнейшими хозяйственными отчётами и донесениями по всем пунктам обвинения, не оставляет места для кривотолков. Итогом разбирательства можно считать слова Екатерины Первой из письма к губернатору Волынскому: “По докладам армейских чинов (Апраксина и Толстого), были на вас сомнения, но доносители были признаны неправыми”.

ему, опалы, однако, удалось добиться только в 1730 году. Этот год был тяжёлым испытанием в жизни Артемия Петровича: он похоронил любимую жену, на руках у него осталось трое детей-сирот, он был объявлен под судом. Но время мученической кончины Артемия Петровича ещё не настало. Новым повелением он был назначен в действующую армию в Польшу, вместе с фельдмаршалом Минихом участвовал в боевых действиях. Затем Артемий Петрович возглавил комиссию о разведении конских заводов, по сути, подготовил появление собственной русской породы лошадей, что позволило значительно повысить боеспособность русской армии, сэкономить русской казне миллионы рублей, требовавшихся на покупку иностранных лошадей. Именно Артемию Петровичу обязаны мы появлением первого в России исторического музея – «мемории Куликовской баталии».

Экспонаты для музея тщательно разыскивались, об одном из них, которым Артемий Петрович дорожил особо и который сыграл роковую роль в трагической судьбе хозяина, следует рассказать подробнее. Коснёмся и истории создания самого музея, расположенного в доме А. П. Волынского в Петербурге.

В составленной по указанию императора Николая I графом Д. Н. Блудовым «Записке об Артемии Волынском» (1831) отмечено, что кабинет-министр «хранил у себя найденную на Куликовом поле саблю, к которой сделал... надпись», желая оставить её детям на память участия их родоначальника в Куликовской битве. Изданная более четверти века спустя «Записка...» стала первой публикацией с упоминанием находки. Лист с рисунком надписи, выполненной Еропкиным П. М., был предъявлен следователями императрице Анне Иоанновне, которая «соизволила отдать им, генералу и тайному советнику (руководителям следствия Ушакову и Неплюеву) для сообщения к делу, понеже о том (преступных умыслах А. П. Волынского) ...о сабельной полосе... по оному делу явствует... И оной рисунок сабельной полосе... сообщен к сему».

Таким образом, рисовка сабли по воле императрицы стала «вещественным доказательством» в деле кабинет-министра. В начале прошлого века Н. П. Павлов-Сильванский воспроизвёл «криминальную» надпись на прорисовке сабли. Одна сторона сабли, как выяснил исследователь по документам следствия, была отшлифована для нанесения надписи, последняя же вроде бы так на оружие перенесена и не была. Итак, рисунок из следственного дела являет собой эскиз неосуществлённого замысла Волынского, призванного придать находке с Куликова поля мемориальный характер. Все известные ныне сведения о предметах вооружения, найденных на месте Куликовской битвы, относятся только к XIX веку, и саблю, хранившуюся в петербургском доме А. П. Волынского, должно считать старейшей документированной реликвией «Донского побоища». Надо сказать, что сам клинок, возможно, и не имеет прямого отношения к Куликовской битве. Прорисовка, сделанная в размер оригинала, представляет сабельную полосу без верхней части, форма и размеры которой заставляют подозревать, что оружие относится к более позднему времени. Среди образцов вооружения, найденных в XIX веке на Куликовом поле, таковые попадались неоднократно: здешние места в XVI–XVII веках не раз становились районом как боестолкновений с крымскими татарами, так и сражений эпохи Смутного времени. Но в исторической памяти современников А. П. Волынского и его самого Куликово поле ассоциировалось с единственным сражением – Мамаевым побоищем XIV века, поэтому неудивительно, что иные датировки найденного оружия даже не приходили в голову. Судьи постарались выяснить, каким образом сабля с Куликова поля попала в дом кабинет-министра, очевидно, рассчитывая поймать подследственного на лжи, а легенду о происхождении сабли считали его выдумкой, преследующей политические цели. Но нашлись те, кто знал о происхождении сабли всё буквально в деталях, и прежде всего, разумеется, сам кабинет-министр. Допрошенный, в том числе по поводу сабли, А. П. Волынский показал, что «наперёд сего слышал он... что на Куликовом поле, где была с Мамаем баталия, находятся тогдашнего времени ружье (оружие) и протчие нетленные вещи, которые из земли выплывают временно (время от времени) и донныне. И так он... в 1732-ом году для осмотра конюшенных заводов был в городе Богородицком, который близко онаго Куликова поля имеется, и в то де время в том городе при конюшенных заводах был управитель Яков Суровцов, которой ему объявил, что такие ружья находятся. И он де (Волынской) просил его (Суровцева), ежели такую целую вещь найдёт, чтоб прислал

к нему”. “Найденные на оном поле тесак да медная чернильница... имеются у него ныне в Санкт-Петербурге в доме, на котором тесаке намерен он был... надпись написать в таком... виду, что... родственник его... Дмитрий Волынец на означенном поле на баталии был с пришедшим... вспомогательным войском, которой (тесак) почитал он... за диковинку и хотел оной с тою надписью оставить для памяти детям своим”. Гордясь обретенной реликвией, Волынской “всегда публично... казывал саблю старинную всем, которая найдена на Куликовом поле и прислана от управителя Суворцева с тех мест...”. Город Богородицк, основанный в 1663 году в верховьях Дона “верх речки Уперты”, в Деделовском уезде, находился всего в двадцати верстах от Куликова поля. С начала XVIII века здесь действовал казённый конный завод, подведомственный Конюшенной канцелярии, отданной в управление будущему кабинет-министру в 1732 году, в связи с чем последний и предпринял в этом году поездку по конским заводам, включая Богородицкой. В дальнейшем конское поголовье Богородицкого завода выросло с 14 жеребцов в 1732 году до 262 в 1739 году, превратившись, стараниями А. П. Волынского, в процветающее предприятие.

Из показаний кабинет-министра понятно, что находки вооружения делались на Куликовом поле и до его приезда в 1732 году в Богородицк. На допрос в следственную комиссию был вызван подчинённый А. П. Волынского по Конюшенной канцелярии секретарь П. Муромцев. По поводу сабли секретарь показал, что кабинет-министр действительно получил реликвию Куликовской битвы “из города Богородицкого от управителя маэора Якова Суворцева выпавшую на Куликовом поле... а ныне то поле пашут богородицкие крестьяне”. Артемий Петрович послал в город Богородицк к управителю подпоручику Потресову ордер, в котором писал, “чтоб объявить тамошним крестьянам, ежели кто из них на Куликовом поле будут находить некие старинные всякие вещи, бердыши, сабли и прочее, чтоб то находимое объявляли ему, Потресову, а он бы... приняв от них то находимое, платил бы на того Волынского счёт за каждую вещь по пяти рублёв и присылал оное к нему... а он по получении платить будет деньги”. Подтверждая слова П. Муромцева, аналогичные показания следствию дали другой секретарь Конюшенной канцелярии В. Гладков и адъютант кабинет-министра И. Родионов. Сабля через служащих Конюшенного ведомства была уже после отъезда А. П. Волынского из Богородицка переправлена в Москву, где размещалась Конюшенная канцелярия; из старой столицы в Петербург, в дом кабинет-министра её перевёз некий офицер, присланный А. П. Волынским специально за саблей в Москву. Как видим, последнего не просто живо интересовала “мемория Куликовской битвы”. Кабинет-министр был готов платить деньги, и немалые, за другие находки, которые будут сделаны на месте сражения. Пять рублей для эпохи Анны Иоанновны составляли весьма серьёзную сумму. Ежегодная подушная подать для всех категорий крестьян равнялась 74 копейкам с души мужского пола, и кроме неё, богородицкие крестьяне, приписанные к Коношенной канцелярии, платили ежегодно ещё как черносошные 40 копеек. Следовательно, установленное А. П. Волынским вознаграждение за каждую находку почти пятикратно превосходило ежегодный государственный налог, платившийся местными крестьянами! Для того чтобы нам по достоинству оценить личность министра Волынского, следует отметить, что после казни его сабля, как и прочее имущество “государственного преступника”, была описана комиссией комиссара Фёдора Лопухина в бытности его у приёма и у приготовления к продаже описанных пожитков, оценена в один рубль и осенью 1740 года выставлена на торги. Покупателя на драгоценную для Артемия Петровича реликвию так и не нашлось, несмотря на то, что среди посетителей аукциона и приобретателей конфискатов были, например, историк В. Н. Татищев, князь Трубецкие и Волконские. В итоге саблю отослали назад, в Тайную канцелярию, с припиской в “Щётной ведомости” “по оценке безденежно”. Этот факт ещё раз говорит нам о том, что Артемий Петрович не просто был человеком своего времени, он сильнее и острее многих своих современников понимал необходимость изучения истории Отечества.

Дальнейшая судьба старейшей реликвии Куликова поля неизвестна. Парадоксальная ситуация – учредитель первого русского музея не имеет собственного! Не настала ли, наконец, пора почтить его память должным образом – основав музей, посвящённый его личности и служению?

Государственный ум и сердце патриота не позволяли Артемию Петровичу оставаться равнодушным к бедственному положению русских в царствование императрицы Анны Иоанновны, пренебрежению к пользе вскормившей их отца лиц немецкой нации. Одновременно с производством в министры он становится во главе группы русских патриотов, объединивших лиц из разных слоёв общества от архиереев и сенаторов до младших офицерских чинов и секретарей, всего более 30-ти человек. Под руководством Артемия Петровича с ведома императрицы разрабатывался проект о “поправлении государственных дел”, о котором можем судить лишь по сохранившимся фрагментам. Тем не менее, его прогрессивный просветительский характер, меры, направленные на то, чтобы русские имели привилегии в собственном Отечестве, не вызывают сомнений. Артемий Петрович полагал излишним усиление военной мощи России за счёт устройства внутренних её дел, хотел заполнить пустующие земли свободными земледельцами, установить правовое и “прозрачное” административное управление, обязательное академическое образование духовенства, поднять общий культурный уровень всех сословий, не исключая крестьянского, для чего открыть ряд университетов. Беспокоило его и печальное состояние русского монашества, реформы, предполагаемые Волынским, должны были укрепить положение монастырей и облегчить вступление на путь иночества для всех желающих, что до некоторой степени расходитя с петровским курсом, оставляющим такую возможность преимущественно для пожилых людей и увечных. Яркая личность министра и его деятельность вызвала ожесточённое политическое сопротивление, осуществлявшееся, как было принято говорить тогда, “силою персон”. Об этом трагическом противостоянии и о некоторых пунктах государственного проекта Артемия Петровича поговорим подробнее.

Завязавшаяся при дворе двухлетняя (весна 1738 – весна 1740) закулисная борьба прошла в своём развитии по меньшей мере три фазы.

Первая (май – октябрь 1738) была связана с сопротивлением первому проекту пока ещё частичной приватизации казённых металлургических заводов, инициированному генерал-берг-директором Шембергом при поддержке Бирона. Этот проект отдавал в наследственную собственность лицам немецкой нации стратегически важные для государства горные заводы и месторождения. Если бы даже А. П. Волынской не принёс Отечеству никакой иной пользы, кроме борьбы против этого проекта, одна она уже стоит благодарной памяти, музея и памятника. Уже на этом этапе произошло заметное охлаждение отношений между герцогом Бираном и Волынским.

Вторая (зима – весна 1739) ознаменовалась лишь частичными успехами Бирона, сумевшего реализовать первый “приватизационный проект” Шемберга и создавшего почву для приватизации всей уральской государственной металлургии, но потерпевшего поражение в своих династических планах – проекте женитьбы сына Петра на фактической наследнице престола, племяннице Анны Иоанновны, принцессе Анне Леопольдовне.

Третья (лето 1739 – весна 1740) была отмечена прямым столкновением Волынского с Остерманом и завершилась сплочением так называемой “немецкой” придворной группировки против кабинет-министра, заявившего именно в тот момент о претензиях на формулирование самих основ внутривнутриполитического курса страны. Результатом стало “дело Волынского”, устранение его с политической сцены, мучение в застенках крепости, убийство и дискредитация его имени и деятельности.

Сама “завязка” первой фазы дворцовой интриги, последовавшая сразу после назначения в апреле 1738 года Волынского кабинет-министром, ставит под сомнение укоренившееся представление, что своим возвышением он был обязан исключительно Бирану, искавшему противовеса против влияния Остермана, – мнение, основанное на суждениях врагов министра Волынского А. П. Уже через месяц после назначения он перестал оправдывать надежды курляндского герцога.

Во-первых, Бирон не получил ожидаемой поддержки в вопросе о передаче в частные руки казённых металлургических заводов. Подготовленный ещё до конца мая 1738 года доклад кабинет-министром отверг выдвинутый в начале 1738 года Шембергом проект приватизации открытых на Белом море “лапландских” месторождений серебряной и медной руды и строящихся В. Н. Татищевым на Урале Гороблагодатских казённых железных заводов.

Во-вторых, Волынский начал атаку против руководителя Адмиралтейской коллегии адмирала Н. Ф. Головина – сына одного из самых талантливых сподвижников Петра Ф. А. Головина. Н. Ф. Головин не унаследовал выдающихся способностей отца, сделал карьеру преимущественно в дипломатическом ведомстве, руководимом Остерманом. Оттуда он и был назначен в 1732 году руководителем Адмиралтейской коллегии, обойдя нескольких опережавших его рангами, старшинством и заслугами адмиралов. Ф. И. Соймонов прямо называл Головина креатурой не Остермана, а Бирона. Атаке на Головина способствовал и личный конфликт Волынского с ним, вызванный тем, что Головин в 1737 году присвоил 10 тысяч рублей, выданных Адмиралтейству Конюшенной канцелярией в счёт займа, взятого её руководителем Волынским у флотского ведомства на покупку лошадей в Башкирии. Этой некрасивой финансовой комбинации Головина способствовало отсутствие Артемия Петровича, отправленного на Немировский конгресс. В конфликт оказался вовлечённым и Соймонов, заставивший Головина осенью 1737 года вернуть деньги, но не сумевший предотвратить свою публичную ссору с адмиралом и огласку дела, дошедшего до государыни, у которой Головин едва вымолил на коленях прощение. Этот конфликт способствовал дальнейшему сближению Волынского с одним из своих главных “конфидентов” – атаке на Головина была начата финансовой ревизией флотского ведомства по предложению Соймонова, заслушанному в Сенате 29 мая 1738 года (то есть буквально в те же дни, когда кабинет министров, при горячем участии Волынского А. П., отклонил первый шемберговский план приватизации металлургии). Подобное совпадение не позволяет представить атаку на Головина лишь следствием случайного личного конфликта, оно свидетельствует о том, что по интересам Бирона уже в мае 1738 года был нанесён двойной удар: в случае успеха интриги он лишился не только ожидаемой прибыли от заводов, но и контроля (через Головина) над военно-морским ведомством и запирающими выход в Финский залив линейными кораблями и расквартированными в самом Петербурге и в Кронштадте 10.000 матросами.

А. П. Волынской, конечно, не был орудием в этой интриге. Он не мог не осознавать её последствий и не видеть явного неудовольствия Бирона. О его активной, принципиальной позиции свидетельствует и дальнейший ход интриги, которая продолжала нарастать и достигла кульминации в августе 1738 года.

Созданная указом императрицы 31 мая 1738 года (всего через два дня после рассмотрения соймоновского предложения о флотской ревизии и вскоре после получения негативного для Бирона мнения кабинет-министров о заводах) особая комиссия о заводах, переданная 2 июня 1738 года под управление брата фельдмаршала барона Х. В. фон Миниха, пришла к выводу о целесообразности их передачи в частные руки. Но в докладе 1 августа 1738 года она снова отвергла шемберговский вариант приватизации лапландских заводов, фактически повторив и углубив аргументацию майского доклада кабинет-министров. Это было новая победа министра Волынского, новое доказательство настойчивости проводимого им курса. Бирон снова потерпел ощутимое поражение. Для времени царствования Анны Иоанновны, для атмосферы постоянного страха “слова и дела” нужно было иметь поистине удивительные мужество и принципиальность для столь острой борьбы с временщиком!

Почти в то же время по позициям Бирона был нанесён и второй удар.

Флотская ревизия, начатая внезапной проверкой комиссии, состоящей из сенатора В. Я. Новосильцева, президента ревизион-коллегии А. И. Панина и сенатского обер-прокурора Ф. И. Соймонова, выявила невозвращённые Н. Ф. Головиным в течение пяти лет займы 40 тысяч рублей у ведавших финансами подчинённых ему флотских офицеров. Даже сам Головин, жаловавшийся уже после падения А. П. Волынского на “неправедную” ревизию, признал факт заимствования им по векселям 25000 рублей из флотских сумм. Волынской практически уже исходатайствовал у императрицы указ о предании адмирала воинскому суду. Соймонов “... тот указ у Волынского видел и думал, что на другой день он государыней подписан будет...”

Решающие события развернулись на следующий день. Когда Артемий Петрович подал, минуя Бирона, на подпись императрице уже заготовленный указ о суде над Головиным, обер-камергер, “... взяв оной у Государыни из рук, бросил Волынскому в глаза, упрекая его, что он неправильно подаёт на

графа Головина, а он-де человек честной и доброй”. Изумлённый Соймонов уже в следующий воскресный день, будучи с визитом у императрицы в Петергофском дворце, видел, как адмирал из её покоев “... вышел в залу в весёлом виде...”, а потом мало-помалу помощью своего патрона Бирона пришёл в прежнюю свою силу”.

Но даже открытая демонстрация ярости фаворита не остановила министра Волынского. Ход всей борьбы с самого её начала свидетельствует о его активной и принципиальной позиции и тем самым заставляет сомневаться в его “чёрной неблагодарности” и обязанности его своей карьерой “исключительно” Бирону, как стремятся представить иные историки.

Ранние стадии карьеры А. П. Волынского протекали в Конюшенном ведомстве под руководством не менее влиятельного, чем Бирон, умершего в 1735 году К. Г. Левенвольде. Последний был порой весьма откровенен с будущим кабинет-министром, ибо неоднократно высказывался при нём о негативных сторонах характера Остермана и даже сообщал Волынскому об остермановских попытках настроить и сплотить “немецкую” придворную группировку против русских вельмож: “... оной граф Остерман говаривал им (Ягужинскому и Левенвольде), что многие русские люди иностранцев не любят...” и пр. Возможно, первые шаги в приближении к особе императрицы А. П. Волынской сделал уже тогда. Кроме того, с 1736 года он был обер-егермейстером, отвечавшим за организацию охот, входивших в число любимых забав императрицы (что обеспечивало устойчивый контакт с ней), и его возвышение могло объясняться личными симпатиями Анны Иоанновны в сочетании с определённой поддержкой близких к императрице русских вельмож, которые явно или неявно поддерживали Волынского и в дальнейшем, что также противоречит современному взгляду на события тех лет. Несомненно, пусть не вполне сознающая себя национальной силой, “русская партия” существовала. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, ибо на протяжении очень долгого времени саму идею возможности “русской партии” ставили под сомнение, а образ русских сановников того времени старались представить как разрозненное сообщество людей невежественных, грубых, лишённых каких-либо убеждений, словом, таких лиц, которые немногим лучше животных и для которых немецкое ярмо – сущее благоденствие. В связи с этим очень любопытна трилогия Василия (Вильгельма) Авенариуса (немца по рождению!) “Бироновщина. Два регентства”, его взгляд никак не может быть назван предвзятым. Станным кажется убеждение некоторых современных историков в “сгущении красок” при описании ужасов “бироновщины” – убеждении, основанном на цифрах числа казнённых, подвергшихся репрессиям в эти годы. По воспоминаниям современников (например, Болотова, Аксакова, отец которого был избит палками до полусмерти по вздорному нраву старшего по чину немца), для истязания ни в чём неповинных русских людей заведения судебных дел и не требовалось. Командир-немец при любом конфликте, разбирая дела, держал сторону своих единоплеменников, не скрывая, что “русским канальям” никогда не поверит, и не скупясь на жестокие наказания. Немцами в ту пору были почти все командиры, а исключения только подтверждали правило.

В этой атмосфере перспектива женитьбы сына Бирона на Анне Леопольдовне не просто была неприятна русским вельможам (это откровенно обсуждали Волынской и Черкасский), она грозила бедой всему русскому обществу. Но два министра вряд ли сумели бы одни оказать решительное противодействие. Влияние А. П. Волынского продолжало укрепляться и в последующие месяцы – в ноябре-декабре 1739 года. Результат не замедлил сказаться как в истории знаменитого “Генерального проекта” Волынского, так и в конкретных внутриполитических акциях последующего периода. Вряд ли стоит отвлекать непосредственную связь проекта с набросками несколько утлачённых записок по политическим и этическим вопросам. Артемий Петрович обладал большим писательским талантом и любил на протяжении всей жизни составлять сочинения на тему самых разных материй. Проект, над которым работал Волынской и его “конфиденты” в конце 1739 – начале 1740 года, скорее всего, имеет иные истоки. Не исключено, что толчком для него послужил отданный императрицей “около Рождества 1739 г. особый приказ для сочиненья некоторого проекта, дабы ученье в России распространить и завести академии для обучения священников и секретарей”, известный по показаниям

Еропкина. Работа над этой запиской могла подтолкнуть министра Волынского к осмыслению более общих проблем внутренней политики. Закончившаяся русско-турецкая война завершила период “экстраординарной” военной политики и поставила вопрос об основах мирного внутривнутриполитического курса страны, потребовав формулировки “послевоенной” внутривнутриполитической программы.

А. П. Волынской, талантливый политик, к тому же претендовавший к этому времени на роль лидера в правительстве, ранее других уловил эту потребность, что и привело к появлению его знаменитого проекта.

Исследователи отмечали, что ещё до начала работы над “Генеральным проектом” Волынской уже набрасывал записку-трактат о важнейших государственных проблемах, но позднее (вероятно, попав в опалу) уничтожил её. Артемий Петрович делился некоторыми проектами с императрицей и получил её одобрение, все участники дела показывали, что Волынской говорил об этом.

О легальном характере проекта говорят и сами обстоятельства его составления.

Работа над ним шла открыто, к оформлению и редакции его отдельных частей привлекались государственные чиновники различных рангов: от капитана флота и руководителя уральской металлургии Хрущёва, архитектора П. М. Еропкина, секретаря иностранной коллегии Суды, работавшего у Волынского над черновиками проекта неделю после нового 1740 года с позволения своего начальника Бреверна, бывшего обер-прокурора Сената Ф. И. Соймонова, до секретарей Военной коллегии П. Ижорина и Демидова, фактически подготовивших текст записки по военным вопросам. В нём использовалась документация государственных учреждений; черновые редакции различных частей проекта читались и обсуждались (помимо указанных лиц, личного секретаря императрицы Эйхлера и президента Коммерц-коллегии П. И. Мусина-Пушкина) сенаторами А. Л. Нарышкиным и В. Я. Новосильцевым, а также Я. П. Шаховским. Кроме того, чрезвычайно демократичный, простой уклад отношений в доме министра, особенности прямого характера последнего делали слушателями, участниками обсуждения его сочинений младших офицеров, дворецкого, некоторых слуг, секретарей, дочерей. Свидетельства полемики Артемия Петровича с младшими подчинёнными, да ещё на тему своего любимого сочинения – выстраданного проекта, – рисует нам его очень терпимым (что бывает крайне редко) писателем и снисходительным начальником.

А. П. Волынской желал свести все части обширного проекта в единую систему, оформленную в виде одного документа “наподобие книги”. Хрущёв (в основном занимавшийся систематизацией текста проекта и подбором “пункта к пункту”) “поправления и дополнения чинил... 3 месяца”, то есть примерно с января 1740 года, что подтверждает датировку начала работы над проектом примерно декабрём 1739 года. “Флотскую” его часть фактически писал Соймонов.

Вероятно, готовая работа предназначалась к подаче императрице после завершения празднеств по случаю мира и начала перехода к “мирному курсу” в развитии страны (она даже формально начиналась “Приношением Её Величеству”, “. . . к тому же и пишет он по повелению Её Императорского Величества”). К моменту ареста Волынского работа была далеко ещё не закончена. Но, как известно, тексты проекта до сих пор не обнаружены (их не оказалось в самом деле, по сведениям из которого “проект и к тому некоторые непристойные оного Волынского рассуждения” были собраны Ушаковым и Неплюевым в один пакет и запечатаны). Однако примерное его содержание добротной реконструировано Готье по показаниям на следствии участников “дела Волынского”. “Генеральный проект” распался на шесть частей, охватывающих в совокупности почти все основные сферы внутренней политики – от сословной политики и организации центрального государственного управления до изменений в составе и структуре вооружённых сил и вопросов развития торговли.

К Сенату, видимо, должна была перейти часть функций Кабинета; кроме того, предусматривался контроль выросшего численно Сената за местной администрацией (ежегодные инспекционные поездки сенаторов по губерниям – своего рода “сенаторские ревизии”). Должность генерал-прокурора ликвидировалась (“. . . понеже оной много на себя власти иметь будет и тем может сенаторам замешание чинить. . .”), однако при этом сохранялась должность куда менее влиятельного сенатского обер-прокурора, контролирующего порядок и законность в работе Сената.

Нелепо предположить, будто А. П. Волынской при этом руководствовался борьбой за личную власть, — усиление Сената объективно ослабляло позиции кабинет-министра. Тем не менее, на протяжении нескольких столетий неприятели масштабной личности Артемия Петровича старались с большим или меньшим успехом внедрить в сознание общества эту мысль.

В чём-то эти идеи Волынского были реализованы в период “дворянских реформ” Екатерины II.

Проект А. П. Волынского отражал интересы шляхетства и частично выражал ряд выдвинутых последним ещё в 1730 году претензий на более широкое участие его в политической власти, но без республиканских крайностей.

“Экскузация” — своеобразное предисловие к читателям проекта, под которыми Волынской видел, прежде всего, кабинет-министров и сенаторов, весьма примечательна. Министр не только предлагал собственную внутривнутриполитическую программу, не считая её верхом совершенства, он приглашал к обсуждению выдвинутых им вопросов и других (“и ежели вы, господа почтенные, усмотрите сверх что к изъяснению и дополнению, прошу в том потрудиться, и я на резонабельное буду склонен и сердиться и досадовать на то не стану”). Такое высказывание явно не вяжется с принятым нынче представлением министра Волынского человеком излишне амбициозным.

Как уже говорилось выше, в отличие от шляхетских проектов 1730 года проект Волынского уделял гораздо большее внимание положению духовенства. Он предусматривал обязательность его обучения (“чтоб неучёных в попы не поставлять”) не только с намерением улучшить духовное воспитательное влияние Церкви на население, но и с целью поднять социальный престиж духовного сословия.

На последнее были рассчитаны и другие меры, например, улучшение материального положения приходского духовенства (“чтоб им самим не пахать, а чтоб приходским людям платить им деньги”), а также намерение “... в священнический чин вводить шляхетство”. Предложение “убогие монастыри все превратить в сиропитательные дома, а монастыри чтоб довольны были, также и монахи” также свидетельствует о намерении отойти от антимонастырских тенденций “Духовного регламента” и улучшить материальное положение “чёрного” духовенства.

Волынской намеревался предпринять ряд шагов по реальной интеграции духовенства в “благородное сословие”, приближающей его социальный статус к западноевропейским образцам, — всё это, вероятно, обеспечило бы ему хотя бы психологическую поддержку не только шляхетства, но и российского духовенства. Характерно, что Кубанец, по его собственным показаниям, читал (очевидно, с санкции Волынского) “нечто из проекта” вологодскому архиерею Амвросию. Планируемая Волынской политика резко контрастировала с открытым ущемлением интересов православного духовенства в аннинское царствование, о чём не худо бы с благодарностью молитвенно вспомнить современному священноначалию. Даже композиционно проект Волынского был построен в соответствии с основными элементами сложившейся в России общественно-сословной структуры. Первые четыре части касались армии, духовенства (“о церковных чинах”), шляхетства и купечества. И, таким образом, будучи ориентирован на публичную его огласку (по показаниям Соймонова, Волынской говорил, что “будет то своё сочинение друзьям раздавать, чтоб об оном везде известно было”), предполагал апелляцию к широким слоям общества. Проект, таким образом, выходил за рамки обычной бюрократической записки и был ориентирован на удовлетворение запросов и интересов основных российских сословий, реализовывал их стремление к участию в политической жизни страны.

А. П. Волынской делал и конкретные практические шаги в этом направлении. 14 февраля 1740 года одновременно с манифестом об окончании войны был подтверждён манифест от 31 декабря 1736 года об отставке шляхетства из службы и объявлено о вступлении его в силу; была декларирована отмена возврата переплаченного жалования гражданским чиновникам, частичная амнистия за должностные преступления и заявлено о намерении простить часть штрафов по недоимкам. Все эти меры были приняты по неподписанному докладу одного из кабинет-министров, известному лишь в писарской белой копии. Стиль и лексика доклада, не характерные для Остермана, заставляют склоняться к предположению об авторстве А. П. Волынского.

3 марта 1740 года появился почти не замеченный в историографии указ императрицы о назначении сразу шести новых членов в Сенат: генерал-лейтенантов М. И. Леонтьева и М. С. Хрущова, генерал-майоров И. И. Бахметева, П. М. Шилова, Н. И. Румянцева и М. И. Философова. Это было первое с 1730 года в аннинское царствование столь значительное расширение состава Сената, также явно отвечавшее интересам “генералитета и шляхетства”, вполне соответствовавшее идеям проекта Волинского и, очевидно, предпринятое по его инициативе, — во всяком случае, отнюдь не “с подачи” Остермана, откровенную неприязнь которого к Сенату формулировал в беседах с Волинским Черкасский: “Остерману... противно, что Сенат есть, хотелось бы ему, чтоб Сената не было, а съезжались бы коллежские президенты для совещания; Остерман боится, что Сенат усилится, если в нём будет много членов”.

Активная позиция А. П. Волинского в появлении столь важных правительственных актов и, возможно, в персональных назначениях свидетельствует о его достаточно сильных позициях во власти и о весьма значительном личном влиянии на императрицу. В конце марта 1740 года он эффектно выступил перед генеральным собранием против слишком щедрого возмещения польским землевладельцам за ущерб, нанесённый кампаниями 1738–1739 годов (этот эпизод послужил сюжетом знаменитой картине Якоби), а на вопрос о причинах не поспешил заявить, что он противник обеспечения таким образом интересов Бирона в сохранении и укреплении им за собой Курляндского герцогства. “Только польский вассал согласится на вознаграждение, но никто, кому дороги честь и польза своего Отечества, не даст на то своего согласия!”

Эти успехи в новом витке политической борьбы были вряд ли достижимы без явной или неявной поддержки русских вельмож из бюрократической верхушки России. Речь не может идти о заговоре, но итоги ноябрьского процесса Долгоруких 1739 года, впервые с петровского времени закончившегося не опалой, тюрьмой и ссылкой, а казнью представителей знатного аристократического рода и снова напомнившего о событиях, связанных с ограничением самодержавия в 1730 году (подлинных инициаторов которого императрица пыталась выявить в ходе этого нового дела), могли заставить многих представителей знати, участвовавших в шляхетском движении, подспудно содействовать Волинскому. Фельдмаршал Б. Х. Миних считал, что целью интриги было “удалить Бирона от двора”. Кстати сказать, Миних, не будучи другом Артемия Петровича и являясь представителем “немецкой” партии, с глубоким уважением вспоминает о нём в своих записках.

Французский посол маркиз Шетарди отмечал 23 февраля 1740 года явные проявления общественного недовольства: “...находят, что Россия недостаточно много выиграла в последнюю войну, чтобы устраивать такое великое торжество по поводу заключённого ею мира; доходят даже до высказывания мысли, что слава России должна пострадать от этих неуместных проявлений радости...” Дворянство не могла удовлетворять закончившаяся почти безрезультатно и стоившая огромных людских потерь (если учитывать её короткий срок — куда более значительных, чем петровская Северная) русско-турецкая война 1735–1739 годов. Если за 53 “петровских” набора с 1699 по 1725 годы было взято в рекруты 284, 2 тысячи человек, то всего за 8 наборов “аннинского” десятилетия — 276, 5 тысячи. Таков был основной итог “порядочного управления” — “бириновщины”! Объединившиеся Остерман и Бирон в разгар пасхальных торжеств в начале апреля 1740 года нанесли решительный удар по противнику, вылившийся, в конце концов, в “дело Волинского”. Формальным поводом к аресту послужила жалоба В. Тредиаковского.

Интересно отметить, что этот выходец из бедной семьи священника, служившего в астраханской церкви, получил возможность широкого образования благодаря усилиям губернатора Волинского А. П., сумевшего открыть в этом городе несколько школ. Напрасно ссору Тредиаковского с кабинет-министром стремятся представить как наглядный пример жестокости последнего. Конфликт этот назревал давно, ибо придворный пиит в угоду своим покровителям систематически сочинял и декламировал оскорбительные для Артемия Петровича сатиры, и даже более того — тешил двор пантомимами, представляя обер-егермейстера Волинского в образе русака и намекая таким образом на “русскую партию”. “Охота” на её главу по ходу действия и ужимкам Тредиаковского оканчивалась неизменно гибелью “русака”. Зная об этих выходках, нельзя принять укоренившийся ныне в сознании общества сценарий ссоры:

“Тредиаковский не сочинил в нужный срок стихи и был наказан”. Тредиаковский, несомненно, действовал в качестве руководимого провокатора – иначе как можно толковать такую ситуацию: в ответ на вопрос министра о стихах, Тредиаковский не только не приносит извинений в своей забывчивости, но обрушивается с бранью на посланного за ним слугу Артемия Петровича и возмущается самим фактом предъявления к нему каких-то требований. На другой день после первой неприятной сцены Тредиаковский встречается с министром Волынским в приёмной Бирона. На вопрос Артемия Петровича: “По какому делу здесь?” – Тредиаковский опять вместо раскаянья в намерении жаловаться на министра временщику совершает на глазах свидетелей очередную грубую выходку – демонстративно отворачивается от собеседника. Подобная манера поведения не вяжется с представлением о “тирански замученном, униженном, невинно пострадавшем” поэте, который “боялся мести” министра Волынского. Конечно, положение клиента Куракина никак не давало Тредиаковскому возможность столь грубо попирать нормы этикета, вероятно, он был научен действовать именно таким образом. Следуя осторожности историка Зазюлинского, повторим: “что конкретно произошло тогда, нам не известно”. Артемий Петрович признавался в том, что “вытолкал в шею Тредиаковского из приёмной в сени”. Вероятно, какое-то телесное наказание грубиян получил, однако смешно серьёзно рассматривать его жалобу, явно сильно преувеличенную. Пострадавший, избитый человек не сможет на другой день активно веселиться на маскараде, испытавший шок, насмерть запуганный не станет сочинять новые жалобы. А именно так пытается обрисовать ситуацию Тредиаковский. О каком “бесчеловечном увечье” может идти речь, если Тредиаковский дожил до старости, не страдал никакими серьёзными заболеваниями, женился и имел детей, охотно участвовал во всех дворцовых увеселениях? Екатерина Великая, в отличие от современного читателя хорошо знавшая подобные нюансы, не придавала жалобе Тредиаковского никакого значения. Обесценивает этот документ и тот факт, что за приобщение его к “делу Волынского” Тредиаковский получил от Бирона более трехсот рублей, что превышало годовое жалование секретаря “Академии де сиянс”. Помимо весьма повредившей ему ссоры с мучеником-министром, он многие годы вредил другому нашему просветителю – М. В. Ломоносову, хотя и с меньшим успехом: Михаила Васильевича, благодаря проискам Тредиаковского, сажали в тюрьму, но пыткам и казни не предали. Одним из первых попытался привить русскому читателю иной взгляд на трагедию 1740 года Пушкин, усомнившийся, как бы обнаружение новых фактов (Пушкин смог указать только на факт ссоры с Тредиаковским) из жизни министра не повредило герою прославленного бестселлера “Ледяной дом”. Но содержание письма Пушкина к И. И. Лажечникову никак нельзя считать исторической истиной. Оно объясняется чрезвычайной в те годы популярностью “Ледяного дома”. Известно, что А. С. Пушкин был не только весьма ревнивым супругом, но и таким же ревнивым сочинителем. Впрочем, даже он не смог найти у романа иных слабостей, кроме неправильной, на его взгляд, трактовки образов придворного пиита и Бирона. “Тредиаковский в этом деле мученик”, – писал он в защиту своего собрата по перу и против деда своего крёстного отца (крестил Пушкина внук Артемия Петровича – Артемий Воронцов). По меньшей мере, странное изречение: “дело” для Тредиаковского кончилось несколькими синяками, а для министра Волынского – дыбой, кнутом и прочими ужасами застенков Тайной канцелярии, переломанной рукой, вырванным языком, наконец, четвертованием... Так кто же здесь мученик?!

Лажечников великолепно парировал удары Александра Сергеевича, но эти тексты редко цитируемы: “. . . добросовестно изучил я главные лица моего “Ледяного дома” на исторических данных и достоверных преданиях. В ответе моём я горячо вступился за память моего героя, кабинет-министра Волынского, который, быв губернатором в Астрахани, оживил тамошний край, по назначению Петра Великого ездил послом в Персию и исполнил свои обязанности, как желал царственный гений; в Немирове вёл с турками переговоры, полезные для России и пр., и пр. На Волынского сильные враги свалили преступления, о которых он и не помышлял и в которых не имел средств оправдать себя. Пушкин указывает на дело, вероятно, следственное. Беспристрастная история спросит, кем, при каких обстоятельствах и отношениях оно было составлено, кто были следователи? На него подавал жалобу Тредьяковский – и кого

не заставляли подавать на него жалобы! Доносили и крепостные люди его, белые и арапчонки, купленные или страхом наказания, или денежною наградой. Впоследствии один сильный авторитет, перед которым должны умолкнуть все другие, читавший дело, на которое указывает Пушкин, авторитет, умевший различать истину от клеветы, оправдал память умного, благородного министра. . .” Последняя фраза относится к Екатерине Великой. В другом месте о Тредиаковском: “от уважения к его личности да избавит меня Бог!” О поступке министра Волынского в отношении Тредиаковского: “Если Пушкин приписывает духу времени и нравам народа то, в чём они совсем не повинны, что никогда не могло быть для них потребностью (Пушкин попытался объяснить жестокости “бироновщины” “духом времени и народа”), почему ж не сложить ему было на дух и нравы того времени поступка Волынского с кропателем стихов, который сделался общим посмеянием. . .” Как видим, Александр Сергеевич применил к героям романа Лажечникова двойные стандарты. Далее автор “Ледяного дома” пишет: “Привожу здесь этот рассказ, потому что от меня требуют доказательств. . . Вот слова Ивана Васильевича Ступишина (лица весьма значительного в своё время и весьма замечательного), умершего девяностолетним старцем, если не ошибаюсь, в 1820 году: “Когда Тредьяковский являлся с своими одами. . . то он всегда, по приказанию Бирона, полз на коленях из самых сених через все комнаты, держа обеими руками свои стихи на голове; таким образом, доползая до тех лиц, перед которыми должен был читать свои произведения, делал им земные поклоны. Бирон всегда дурачил его и надседался со смеху”. Вот от какого лица влиятельный министр должен был кротко переносить пестрящие ненормативной лексикой сатиры! Несмотря на “увечья”, от которых Тредиаковский “ожидал себе кончины” и которые просил освидетельствовать, отказался ли он писать дурацкие стихи на дурацкую свадьбу? Нет, он всё-таки написал их и даже прочёл, встав с “одра смерти”. Далее Лажечников говорит: “Со всем уважением к памяти Пушкина скажу: оправдание Бирона почитаю непостижимой для меня *обмолвкой* великого поэта. Несчастье быть немцем?.. Напротив, для всех, кто со времён царя Алексея Михайловича посвящал России свою службу усердно, полезно и благородно, никогда иностранное происхождение не было несчастием. . . услуги их, соединённые с истинным добром для нас, всегда награждались и доброю памятью о них. Что ж заслужил Бирон от народа? Не за то, что он был немец, назвали его время бироновщиною; а народы всегда справедливы в названии эпох. Что касается до великого ума и великих талантов его (А. С. Пушкин выразился именно так: “великий ум, великие таланты и дела Бирона”, — но не смог привести ни одного подтверждения своему мнению), мы ждём им доказательств от истории. До сих пор мы их не знаем”. Спустя двести лет историческая наука ничего не может возразить на этот довод И. И. Лажечникова. Каков бы ни был талант Александра Сергеевича в области поэзии, его подход к данной теме никак не может быть назван “историческим исследованием”, как обычно привыкли его именовать в современной нам публицистике. В гораздо большей степени беспристрастным историком выступает в этой полемике И. И. Лажечников.

И, как резюме, свидетельство неспорченного “модой на умы” (словами фонвизинского героя) взгляда писателя: “Мы привыкли верить, что чёрное черно, в жизни ли оно человека или в его сочинениях, и не ухищрялись никогда делать его белым, несмотря ни на предков, ни на потомков. Мы привыкли смеяться над топорными переводами и стишками собственной работы Василия Кирилловича, как смеялись над ними современники; нам с малолетства затвердили, что при дворе мудрой государыни давали читать их в наказание”. Как не вспомнить тут о печальном факте “переписывания истории”, так часто имевшем место в последние столетие!

Но вернёмся к событиям 1740 года, к “делу Волынского”.

Этот неблагоприятный в истории русского сыска процесс распадается на два этапа.

Во время первого (13–20 апреля 1740 года) Артемий Петрович оставался под домашним арестом, а дело ограничивалось следствием, ведённым состоящей преимущественно из сенаторов широкой комиссией по жалобе Бирона, главным объектом которой была “петергофская записка” 1739 года, якобы умалявшая честь и достоинство государыни. Потрясённый тяжестью обвинений, Артемий Петрович досадовал на погубившие его надежды “на своё перо, что писать горазд”. Реакция его вполне понятна: квалификация процесса как

дела “о государственной чести и достоинстве” переводила его в разряд тяжких государственных преступлений, уже грозивших последственному гибелью. На этой стадии организаторы процесса хотели, прежде всего, дискредитировать министра в глазах императрицы. Из показаний доверенного человека Волынского В. Кубанца (выкрест-татарин, взятый в дом ещё мальчиком во время астраханского губернаторства Волынского, хозяин полагал Кубанца “человеком совестливым” и вывел в люди) выяснилось, что кабинет-министр выступал против династических планов Бирона и критиковал самого герцога, но самое главное — позволял себе при чтении жизнеописаний Клеопатры и Мессалины у Юста Липсия неосторожные и иронические замечания в адрес правящего женского пола: “...весь род их таков”, — что, по словам доносчика-слуги, “весьма Высокой Персоне Вашего Величества противно”. Сыграв на оскорбленном женском самолюбии Анны Иоанновны, организаторы вызвали перелом в ходе процесса и перешли к подготовке гибели А. П. Волынского не только как политика, но и как частного лица, тем более, что и само по себе произнесение “непристойных слов” переводило дело в компетенцию Тайной канцелярии и грозило по петровскому “Артикулу воинскому” смертной казнью.

Во время второго этапа процесса (22-23 апреля — 19 июня 1740 года) Артемий Петрович был отправлен в Петропавловскую крепость, следствие было передано в Тайную канцелярию и поручено узкой группе лиц: близкому к Бирону А. И. Ушакову, а также “креатуре” Остермана И. И. Неплюеву, секретарём при которых был открытый враг Волынского А. Яковлев. Только тогда были арестованы основные (кроме А. Ф. Хруцова, арестованного раньше) “конфиденты” Волынского. Еропкин был допрошен 28-го, Соимонов арестован 30 апреля, Суда — 27 мая, Мусин-Пушкин — 31 мая 1740 года.

Именно на этой стадии в отобранном у Волынского 23 апреля “Генеральном проекте” и в его отдельных неосторожных фразах начали искать доказательства государственного заговора. Но немногие и весьма шаткие свидетельства в его пользу были найдены даже не в конкретных словах Волынского, когда-то оброненных в беседах с “конфидентами”, а в предположениях Кубанца, что его хозяин намеревался разгласить свои проекты и рассуждения в народе и “сделать свою партию”, лаская офицеров гвардии. Это, а также резкие отзывы Волынского об императрице (“государыня у нас дура”) привели к тому, что 18 мая Анна Иоанновна отдала приказ пытать “конфидентов”, а 21 мая — и самого А. П. Волынского, однако и пытки не дали никаких реальных доказательств государственного заговора: следствие даже запуталось во взаимно-исключающих обвинениях в попытке Волынского сделать себя “государем” и в стремлении его же к “республике”. В результате доказательства принялись искать в самом тексте “проекта”, но и там дающих для этого основания мест оказалось немного.

Основное внимание было обращено на две части проекта. Во-первых, на предисловие к читателям, дававшее самые минимальные поводы для истолкования его почти как манифеста с обращением к “мятежному” шляхетству. И хотя Артемий Петрович упорно утверждал, что проект не имел иных адресатов, кроме государыни, кабинет-министров и сенаторов, в “экскузации” столь же упорно видели доказательства скрытых “республиканских” намерений и настроений Волынского. Императрица пугалась призрака шляхетского движения, аналогичного движению 1730 года, воспоминания о котором были оживлены законченным лишь полгода назад “делом Долгоруких”. Во-вторых, на историческую часть как на повод для столь же натянутых обвинений в намерении А. П. Волынского сделаться государем. Доказательства видели в декларации Волынским своего родства по женской линии с княжившими в XIV веке московскими Рюриковичами. Обвинение при этом не приводило конкретных фрагментов самого текста проекта.

О степени популярности министра А. П. Волынского как политического лидера и обеспокоенности правящих кругов можно судить по фактам того, что в разгар “дела Волынского” 23 апреля 1740 года был издан указ о срочной выплате денег из Монетной канцелярии на Конногвардейский и Измайловский гвардейские полки; 25 и 26 апреля 1740 года появились указы о не записывании впредь без доклада императрице на вакантные места в Преображенский и Семёновский полки, продиктованные попыткой усилить контроль за составом гвардии (в те годы почти сплошь состоящей из лиц курляндской и лифляндской наций); 26 апреля 1740 года был отменён штрафной двойной платёж недоимки,

введённый во время войны; 26 апреля 1740 года резолюцией императрицы на докладе Военной коллегии был разъяснён и уточнён порядок отставки шляхетства от службы по силе манифеста 31 декабря 1736 года; 29 апреля 1740 года на расширенный всего два месяца назад Сенат была накинута надёжная “узда” восстановлением должности генерал-прокурора, которым был назначен Н. Ю. Трубецкой (один из прежних приятелей опального министра, теперь долженствующий оправдать своё освобождение от следствия).

Какое явное различие с обстоятельствами ареста в ноябре того же года Бирона! Несмотря на убеждение последнего в любви к нему русского народа, который он откровенно презирал (свидетельства английского резидента Рондо, Манштейна и иных лиц двора), несмотря на повторяемую Бироном самонадеянную фразу: “Я могу спокойно лечь спать между бурлаков”, – арест временщика не потребовал малейших политических приготовлений, никаких затрат на “покупку” лояльности гвардии или государственных сановников, ликование в народе (свидетельства очевидцев, в том числе представителей “немецкой” партии) было велико и сопоставимо только с большим праздником.

Артемий Петрович Волынской и его “конфиденты”, несмотря на отсутствие доказательств их вины, 19 июня были осуждены Высшим судом из основных представителей русской шляхетской бюрократической верхушки (в числе которых были и доверенные слушатели “Генерального проекта”) и 27 июня 1740 года казнены.

Это была вторая за время царствования Анны Иоанновны открытая массовая казнь представителей российского дворянства, однако основанная (в отличие от процесса Долгоруких 1739 года, виновных в сочинении подложной “духовной” Петра II) на надуманных обвинениях. Главными её виновниками были Остерман и Бирон. Первый полностью признал себя виновным в вопросе преследования и убийства министра Волынского. Признание это, в отличие от многих показаний подследственных “конфидентов” Артемия Петровича, заслуживает доверия, ибо не было вырвано мучительными пытками.

В сознании большинства наших современников исторические и духовные ориентиры и ценности носят весьма условный, размытый характер. Такие диаметрально противоположные в своей устремлённости (не только в сфере политической, но и частной, в области нравственной, в вопросах чести и порока) личности, как Волынской, Бирон и Остерман трактуются как не поладившие из своих мелких интересов вельможи. Чтобы опровергнуть такую точку зрения, можно представить множество фактов, не затронутых выше, но я упомяну только ещё об одном: кабинет-министр Остерман был едва ли не первым в истории русского государства сановником, переведшим на счета английского банка огромную сумму, утерянную навсегда для русской казны (несмотря на неоднократные попытки императрицы Елизаветы вернуть её), кабинет-министр А. П. Волынской примерно в это же время призывает своих коллег “разорить” винные заводы (будучи владельцем некоторых из них), чтобы раздать хранящееся на них зерно неимущим крестьянам.

Нередко в одном и том же государстве и даже городе можно встретить памятники как жертвам, так и их палачам, а несуразность такого явления обычно объясняется туманным определением – “это наша история”. Истинная же причина тому не наша история, а наша беспринципность. История имеет своих героев и своих антигероев, первые должны быть прославлены, а вторые – подвергнуты презрению. Только так страна может обрести свою национальную идентичность, славу и величие, которые так много значили для верных её сынов, в частности, для министра Артемия Петровича Волынского.